

УДК 811.161.1'81

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСЕМЫ *МОРЕ* В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

© Ольга Старостина

FUNCTIONAL-SEMANTIC FEATURES OF THE LEXEME *SEA* IN THE SILVER AGE POETRY

Olga Starostina

The article studies the function features of the lexeme *sea* in the poetry of the Silver Age. The main objective of this article is to reveal authorial interpretations of this image in the lyrical poetry. We identify the connection of this image in the Russian linguistic consciousness with the ancient knowledge of the maritime space. The image of the sea is regarded as being of semantic importance, often central to the poems of many poets in the early 20th century. The article studies its metaphorical and mythological features in the lyrical poetry and in Russian national culture in general touching upon the archetypal nature of the lexeme *sea*. We provide examples of how this lexeme functions in poetic texts where it is semantically close to the meanings, originating from ancient sacral texts. The article also explores the semantics of water space as a whole. The scientific contribution of the article is its analysis of sea space in the poetry of the Silver Age. The purpose of the study is to reveal the poetic valence of the lexeme in the lyrical text. In addition, this work explores its functions both in its ancient, unchanged meaning, and in its transformed one, endowed with individual-authorial semantics. The study results in conclusions about authorial transformations of the meanings of the hydronym *sea*.

Keywords: semantics, lexeme, metaphor, interpretation, poetic text.

Статья посвящена исследованию особенностей функционирования лексемы *море* в поэзии Серебряного века. Основной ее задачей является раскрытие авторской интерпретации данного образа в лирике. Выявляется связь его русском языковом сознании с древними знаниями о морском пространстве. Образ моря рассматривается как смыслообразующий. Нередко он является центральным в стихотворениях многих поэтов начала XX века. Выявляются его метафорические, мифологические особенности в лирике и в русской национальной культуре в целом. В работе затрагивается вопрос об архетипичности лексемы *море*. Даются примеры функционирования ее в поэтических текстах, где данное слово семантически близко к значениям, берущим начало из древних сакральных текстов. Затрагивается вопрос о семантике водного пространства в целом. Научным вкладом является анализ морского пространства в поэзии Серебряного века. Цель исследования – выявить поэтическую валентность лексемы *море* в лирическом тексте. Кроме того, работа посвящена изучению функционирования данного слова как в его древнем, неизменном, значении, так и в преобразованном, наделенном индивидуально-авторской семантикой. Результатом данной статьи станут выводы об авторских преобразованиях значений гидронима *море*.

Ключевые слова: семантика, лексема, метафора, интерпретация, поэтический текст.

В последнее время в лингвистике особое внимание уделяется изучению темы первостихий: воды, огня, земли и воздуха. Научный интерес возрастает благодаря частотности употребления «стихийных» образов, а также наличием их семантической соотнесенности с архетипами. Образ воды прочно вошел в культурное пространство. О воде писали лингвисты [Бидерман], [Маковский], [Степанов] и ученые других областей знания.

Анализ функционирования лексемы *море* представляет немалый интерес, так как по коли-

честву употреблений в поэзии Серебряного века она является самой частотной (общее количество апелляций – 897). Лексема *море* находится в составе тематической группы «Водное пространство».

Использование в лирике лексемы *море* имеет непосредственное отношение к традициям. «Пространство русский человек воспринимает линейно, что связано с врожденным чувством широты и непреодолимости родного пространства, с его бескрайними полями и степями, непроходимыми лесами и бурными реками. Русское

чувство широты и непреодолимости родного пространства ассоциируется с землей, водой, воздухом, а также с составляющими данных стихий: полем, ветром, морем, рекой» [Думназева, с. 138].

Для анализа функционирования данной лексемы мы выбрали творчество 10 наиболее ярких представителей эпохи Серебряного века, оставивших след в культуре XX века. Так, в поэзии М. И. Цветаевой данная лексема встречается 185 раз, В. Хлебникова – 174, А. А. Блока – 119, в творчестве М. А. Кузмина – 107, В. В. Маяковского – 95, Б. Л. Пастернака – 75, А. А. Ахматовой – 52, О. Э. Мандельштама – 47, С. А. Есенина – 30, И. Ф. Анненского – 13 раз. Весь иллюстративный материал извлечен нами с сайта Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

В лирике Серебряного века лексема *море* употребляется, главным образом, в своем прямом значении: описание как традиционного, так и романтического пейзажей. Море – могущественная, неуправляемая стихия. Например, *Словно зайчики зеркал, / Городок из моря встал, / Всё каналы да плотины, / Со стадами луговины, – / Нет ни пропастей, ни скал* (М. Кузмин. «Остановка здесь от часа до шести») (здесь и далее разрядка наша – О.С.) [НКРЯ].

Простор, широта, бескрайность – именно данный ассоциативный ряд возникает у поэтов Серебряного века при употреблении ими слова *море*. В примерах подобного рода проявляется древняя семантика анализируемого слова. В пословицах и поговорках образы моря как раз сохранились и передавались именно в этом значении. По данным словаря В. И. Даля, «море означает также бездну или пропасть, необъятность» [Даль]. В лирике это значение встречается неоднократно: *Шел день за днем, за ночью шла заря, / Стремилась вдаль река свои потоки, / Туда, где спят широкие моря* (М. Кузмин. «Стрелы»); *Зал проветривался и сдавался внаем, / В нем дышалось ночами, как в море широком* (Б. Пастернак. «После поля у города свой аромат»); *Разбегаясь со стеном, / Вспыхивает бледно-розовая / Моря ширь* (Б. Пастернак «Отплытие») [НКРЯ].

Широта, простор в русском языковом сознании ассоциируются со свободой. Именно этот мотив использует М. И. Цветаева: *Есть на свете три свободы: / Песня – хлеб – и море* (М. Цветаева. «Ученик») [Там же]. Авторское сравнение моря с бескрайностью, бесконечностью, великой божественной необъятностью обнаруживается не в одном стихотворении М. И. Цветаевой: *Целому морю – нужно все небо, / Целому сердцу – нужен весь Бог.* (М. Цветаева.

Целому морю – нужно все небо») [Там же]. Море для поэтессы – это необычная среда, ассоциирующаяся с купелью, качелями, каруселью (эти сопоставления встречаются неоднократно в ее стихотворениях): Само море нам – качель! / Само море – карусель!; Само море – нам купель! Само море нам – качель! (М. Цветаева. «Ученик») [Там же].

В творчестве этого автора образ моря становится ключевым, особенно в раннем периоде. Для поэтессы море – это жизнь: *Вместо моря мне – все небо, / Вместо моря – вся земля* (М. Цветаева. «Где слезиночки роняла») [Там же]. Амбивалентность этой водной стихии (море – жизнь, море – смерть) – главная отличительная особенность функционирования данной лексемы в лирике М. И. Цветаевой: *И крутятся в твоём мозгу: / Мазурка – море – смерть – Марина ...* (М. Цветаева. «Уедешь в дальние края») [Там же].

Тяга человека к этому водному пространству прошла сквозь века. Результатом «коллективного бессознательного» восприятия моря явилось большое количество песен, сказок о странах, находящихся в отдалении. Море как образ дальних стран воспевался русским народом на протяжении долгого времени. В словаре В. И. Даля зафиксированы пословицы с выделенным нами значением: *За морем телушка полушка, да рубль перевозу; Ума за морем не купишь, коли его дома нет; Журавли за море летают, а все одно курлы!; Ум за морем, а смерть за воротом (за воротами)* [Даль]. Известное выражение *за тридевять морей*, звучащее в стихотворении П. А. Кускова «Уединение», обозначает также отдаленность, границу пространства: *Готовь бы ваешь ты за тридевять морей / Бѣжать, клян судьбу, съ отчаяньемъ и крикомъ* (П. Кусков «Уединение») [НКРЯ]. Конечно, стоит упомянуть образ моря в знаменитой «Сказке о царе Салтане...» А. С. Пушкина. В произведении остров Буян расположен далеко от местонахождения царства Салтана, море – центральный образ, изначально разъединяющий и затем соединяющий семью главного героя. Лейтмотивом сказки являются слова царя Гвидона: «Ладно ль за морем иль худо?», родная сторона для него в этот момент в прямом и в переносном смысле далека.

Сказочный мотив обозначения дальних стран находит свое отражение в поэзии начала XX века. Прибегали к данному образу практически все поэты. Вот наиболее яркие примеры: *За моря, за океаны / Он манит и мчит, / В дымно-синие туманы, / Где царица спит... (А. Блок. «Сны»); А ты – зимняя пленница, / Бедная девочка в розовом капоре... / Видишь, море за окнами пенит-*

ся? / Полетим с тобой, девочка, за море (А. Блок. «Поэт»); Будешь за море отдана, / спрячешься у ночи в норе – / я в тебя вцелую сквозь туманы Лондона / огненные губы фонарей (В. Маяковский. «Флейта-позвоночник») [НКРЯ].

В поэтических текстах встречаются упоминания реально существующих географических объектов: *За море Черное, за море Белое / В черные ночи и в белые дни / Дико глядится лицо онемелое, / Очи татарские мечут огни* (А. Блок. «Русь моя, жизнь моя»); *Работать надо. / Отсюда за морем – / Китай. / Садись / и за море катуй* (В. Маяковский. «Прочти и катуй в Париж и в Китай»); *Что, мол, Англия – / за морем, / от нее нам мало горя!* (В. Маяковский. «Будь готов!») [Там же].

В буквальном смысле говорится об отдаленности морского пространства в следующих строках: *Больным и усталым – нам было завидно, / Что где-то в морях веселилась гроза, / А ночь, как блудница, смотрела бесстыдно / На темные лица, в большие глаза* (А. Блок. «Голос в тучах»); *Где всё сияет, всё цветет, / Где Волга медленно и пенно / К морям далеким путь ведет* (М. Кузмин. «Я знаю вас не понаслышке»); *Вы просто уехали в жаркие страны, / К великим морям* (М. Цветаева. «Осыпались листья над Вашей могилой»); *Дни ноябрьские кратки, / Долги ночи ноября. / Сизокрылые касатки – За моря! / Давит маленькую грудку / Стужа северной земли* (М. Цветаева. «Его дочке») [Там же].

Таким образом, образ моря как чего-то далекого является частотным в поэзии Серебряного века и становится одним из излюбленных в изображении этого гидрологического пространства: *Ушел моряк, румян и рус, / За дальние моря* (М. Кузмин. «Ушел моряк, румян и рус»); *Милый друг, ушедший дальше, чем за море!* (М. Цветаева. «Милый друг») [Там же].

Поэты Серебряного века воспринимали море в качестве опасного пространства: *Ты за стаканом бей стакан, / Топи нас, море-окиян!* (М. Цветаева. «И если руку я даю») [Там же]. Снова главной выступает древняя связь с традициями прошлого. Ассоциация моря с тревожностью, мятежностью, иногда смертью подчеркивается А. А. Блоком. *Нас море примчало к земле одичалой / В убогие кровы, к недолгому сну, / А ветер крепчал, и над морем звучало, / И было тревожно смотреть в глубину* (А. Блок. «Голос в тучах»); *Как луна дрожит на лоне / Моря, полного тревогой, / А сама, ясна, спокойна, / Голубой идет дорогой* (А. Блок. «Как луна дрожит на лоне»); *И на вьюжном море тонут / Корабли. / И над южным морем сто-*

нут / Журавли (А. Блок. «В углу дивана»); *В последний проглянуло / Над морем солнце в крови, / И я узнал то место – / Могила моей любви* (А. Блок. «Гейне. Опять на родине») [Там же]. При описании данного водного пространства в одном контексте употребляются слова *тревога, кровь, могила*.

Наиболее интересными в функциональном отношении являются примеры, в которых значение моря приобретает отрицательную коннотацию благодаря рифмовке. Авторы довольно часто используют традиционную пословицную рифму «море – горе». Данное представление образа перекликается с образом «воды – беды»: *Звенела музыка в саду / Таким невыразимым горем. / Свежо и остро пахли морем / На блюде устрицы во льду...* (А. Ахматова. «Звенела музыка в саду»); *Вот и берег северного моря, / Вот граница наших бед и слав, – / Не пойму, от счастья или горя / Плачешь ты, к моим ногам припав* (А. Ахматова. «Вот и берег северного моря»); *Была над нами, как звезда над морем, / Ища лучом девятый смертный вал, / Ты называл ее бедой и горем, / А радостью ни разу не назвал* (А. Ахматова. «И последнее»); *Разве не я тогда у креста, / разве не я тонула в море, / Разве забыли мои уста / Вкус твой, горе!* (А. Ахматова. «Послесловие») [Там же].

Поэзия А. А. Ахматовой всегда была тесно связана с обычаями прошлого. На это обращает внимание Д. С. Самойлов: «Ахматова – накопленность ассоциаций, „культурный слой“. В традиционной рифме открывалась история чувств» [Самойлов, с. 299]. Слова А. А. Потемни можно применить для понимания творчества А. А. Ахматовой, в частности для раскрытия смысла рифмы, ее значения: «Вообще мысль мужчины шире, подвижнее, изменчивее в силу новых входящих в неё стихий, чем мысль женщины, заключённой в кругу медленно изменяющегося домашнего быта, более близкой к природе и неподвижному разнообразию её явлений. Женщина – преимущественно хранительница обрядов и поверий давно застывшего и уже непонятного язычества» [Потемня, 1914, с. 288]. Исследователи подчеркивают, что традиционной особенностью русской рифмы является глубокое уважение к ней, постоянное подчеркивание ее смысловой функции в стихе. «Мысль и созвучие возникают в единстве, мысль озвучивается, и осмысливается звук. Мысль располагается в пространстве, пронизанном силовыми лучами рифменных ассоциаций. В рифменном мышлении поэта возникают и порой закрепляются в опыте целой поэзии некие пучки звуко-смысловых ассоциаций, которые называют „банальными рифма-

ми⁴, вроде: твои – любви, день – тень, младость – радость – сладость» [Самойлов, с. 17].

Банальные рифмы принято считать отрицательным явлением, признаком вырождения рифмы. Между тем, как отмечает Д. С. Самойлов, «мы знаем, как по-разному наполнено пространство между *твои – любви* у Пушкина, Лермонтова и у Блока. Ни у одного из них рифма не кажется невыносимой и скучной. Само наличие закрепившихся ассоциативных пар или рядов означает существование исторически сложившегося рифменного мышления» [Там же].

А. А. Ахматова в своем творчестве пользуется этим «сложившимся рифменным мышлением». Банальные рифмы гармонично сочетаются с современной действительностью, которая выражается синтаксическим строем стихотворений. Эти рифмы вечны, потому что в них пересекаются и сцепляются смыслы. Еще А. А. Потемня указывал на символический статус традиционной рифмы типа «*бить – пить*», «*горы – горе*». Они «основаны не на пустой игре словами, а на известном взгляде на природу, и <...> под любыми рифмами кроется ... смысл» [Потемня, 1989, с. 123].

Образ моря часто заключает в себе семантику бездны или пропасти. Такое толкование встречаем в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: *Море бед. Море хлопот. Жди горя с моря, беды от воды. Ближе моря, больше горя* [Даль]. Подобный смысл вкладывает в строки и А. А. Ахматова. Море у поэтессы часто сопоставлено с бедой, горем. В этом художественном образе автор не отходит от древнего значения морского пространства.

Семантика желанного, но недостижимого также проявляется в образе моря у многих поэтов исследуемого периода. В мифологическом пространстве прослеживается связь жизни человека и моря. Море – граница между этим и иным миром. Представление о воде как месте обитания душ после смерти отражено в различных запретах, связанных с данной субстанцией. Похожий мотив встречается не только в славянской мифологии, но и в немецкой. Так, по представлениям древних германцев, душа человека до рождения и после смерти находится в море (*die See*), отсюда прямая связь со словами *die See* ‘море’, *Seele* ‘душа’, следовательно, ‘жизнь’. Родственная, древняя связь находит свое отражение и сохраняется в поэзии: *А вдруг с душой, подвижней моря, / Другой поэт ее полюбит тень / В нетронутото-торжественном уборе* (И. Анненский. «Другому») [НКРЯ].

Наряду с архаическим образом *моря – смерти* в поэтических текстах Серебряного века

встречается мотив *моря – жизни*. Для каждого поэта море становится неким обозначением того, без чего они не представляют смысл существования. Для М. И. Цветаевой образ моря полисемантический: *Само море нам – хлеб, / Само море нам – соль, / Само море нам – стакан, / Само море нам – вино* (М. Цветаева. «Ученик») [Там же]. У В. В. Маяковского в стихотворении «Лилечка!» море сопоставляется с любовью: *Кроме любви твоей, / мне / нету моря, / а у любви твоей и плачем не вымолишь отдых* [Там же].

В стихотворениях поэтов Серебряного века изображение морского пейзажа (в том числе и романтического) встречается 52 раза. Авторы часто используют прием олицетворения при описании этого водного пространства (*море пьет, говорит, уходит, спит* и др.): *Зори пьет, море пьет – в полную сыть / Бражничают* (М. Цветаева. «Други его»); *Скажет мне море: – Всех слез моих плакать – не хватит!* (М. Цветаева. «Буду выпрашивать воды широкого Дона»); *И вдруг отчаянье, что “море / Ушло домой”* (М. Цветаева. «Да, я тебя уже ревную»); *Шел день за днем, за ночью шла заря, / Стремилась вдаль река свои потоки, / Туда, где спят широкие моря* (М. Кузмин. «Стрелы») [НКРЯ].

Русское этническое сознание протупает в лирических текстах. Так, в стихотворении О. Э. Мандельштама море – живое существо, имеющее женское начало. «О культуре женщины-царицы морей у древних славян, их верховным божестве Макоши – Великой Матери подательнице жизни, плодородия, благополучия было сказано ранее. Грудь Матери-богини – наиболее распространенное изображение небесных вод» [Мирзаева, с. 104]. У поэта сохраняется это уникальное представление море: *Спокойно дышит моря груди, / Но, как безумный, светел день* (О. Мандельштам. «Silentium») [НКРЯ].

М. И. Цветаева обращается, как к божеству, с молитвой к морю (трехкратное повторение), наделяя его эпитетом *вечное*: *Вечное море, / Дай мне и солнцу и звездам отдаться вдвойне; Вечное море, / Детское горе мое усыпи, залечи, раствори; Вечное море, / В мощные воды твои свой беспомощный дух предаю!* (М. Цветаева. «Молитва морю») [Там же].

Поэты используют лексику *море* в метафорическом смысле, когда хотят сказать о большом количестве чего- / кого-либо, например, *море людей*. При этом количественная характеристика определяемых объектов может носить как конкретный, так и абстрактный характер. Количественная характеристика конкретных обозначений: *Пахнет волей, мокрою картошкой, / Пахнет почвой, норками кротов, / Пахнет итормом, не-*

смотря на то что / Это шторм в открытом море ртов (Б. Пастернак «Вырываясь с моря, из-за почты»); *А герцогини, лучший цвет / Вдыхателей обезоружив, / Согласно сердцу – и Руссо – / Купались в море детских кружев* (М. Цветаева. «Век коронованной интриги»); *И так были безумны мечты / В чадном море молений и слез, / На развившемся нимбе волос / И в дыму ее черной фаты* (И. Анненский. «Светлый нимб») [НКРЯ]. Обозначение количества абстрактных понятий: *В море любви / Сонет / Моя душа оазис голубой / Бальмонт* (И. Анненский. «В море любви»); *Известно ли, как влюбчиво / Бездомное пространство, / Какое море ревности / К тому, кто одинок!* (Б. Пастернак. «Над морем бурный рубчик»); *Затерялся в море гула / Крик, тебе с душою разорвавший грудь* (М. Цветаева. «Он приблизился, крылатый»); *Они тащили вверх рояль / Над ширью городского моря, / Как с заповедями скрижалей / На каменное плоскогорье* (Б. Пастернак. «Музыка») [Там же].

В поэтических текстах, кроме скрытого сравнения, лексема *море* функционирует непосредственно с союзом *как*: *При свете фонаря / Ваш нежный лик – сомнительный и странный, / Подиккенсовски – тусклый и туманный, / Знобящий грудь, как зимние моря* (М. Цветаева. «Я помню ночь на склоне ноября»); *Жизнь – как море она – всегда исполнена бури* (А. Блок. «Жизнь – как море»); *И сердце мое, как море, / Там бури, прилив и отлив, / В его глубинах много / Жемчужных дремлет див* (А. Блок. «Красавица рыбачка»); *Сердце женщины – как море, / Уж давно сказал поэт* (М. Кузмин. «Серенада») [Там же]. Оба поэта, А. А. Блок и М. А. Кузмин, сопоставляют море с жизнью (сердцем). Проявляется архаическая символика моря – живого существа.

Таким образом, поэты используют слово *море* в буквальном значении достаточно часто. Распространенным становится его понимание как необъятного, свободного пространства, которое несет в себе не только созидательное, но и разрушительное (опасное). С упомянутым значением пересекается еще одно – море обозначает мотив дальних стран, недостижимое, желанное пространство. В обоих случаях проявляется амбивалентность значения моря, сравнимая с двойственным значением воды вообще (*живая и мертвая*).

Кроме того, поэты Серебряного века часто используют прием олицетворения, привносят дополнительное, авторское, осмысление этого образа. Переносное же значение проявляется в количественных описаниях кого-либо или чего-

либо. При этом море не просто водная стихия, происходит метафоризация, переосмысление данного образа, основанное на значении моря как бескрайнего, бесконечного пространства.

Список литературы

Бидерман Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 335 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=15990> (дата обращения: 02.06.2018)

Думназева В. А. Особенности репрезентации национального дискурсивного пространства русским образным словом: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2011. 201 с.

Маковский М. М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М.: Эдиториал, 2005. 200 с.

Мирзаева Т. В. Семантический объем лексемы вода в поэзии Вячеслава Иванова: «Кормчие звезды»: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2008. 252 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 02.06.2018)

Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков: Изд. М. В. Потебня, 1914. 372с.

Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 622 с.

Самойлов Д. С. Книга о русской рифме. М.: Худ. литература, 1982. 351 с.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 991 с.

References

Biderman, G. (1996). *Entsiklopediia simvolov* [Encyclopedia of Symbols]. 335 p. Moscow, Respublika. (In Russian)

Dal', V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. <http://slovardalja.net/word.php?wordid=15990> (accessed: 02.06.2018). (In Russian)

Dumnazeva, V. A. (2011). *Osobennosti reprezentatsii natsional'nogo diskursivnogo prostranstva russkim obraznym slovom: dis. ... kand. filol. nauk* [Representation Features of the National Discursive Space by the Russian Figurative Word: Ph. D. Thesis]. Astrakhan, 201 p. (In Russian)

Makovskii, M. M. (2005). *Udivitel'nyi mir slov i znachenii: Illiuzii i paradoksy v leksike i semantike* [A Wonderful World of Words and Meanings: Illusions and Paradoxes in Vocabulary and Semantics]. 200 p. Moscow, Editorial. (In Russian)

Mirzaeva, T. V. (2008). *Semanticheskii ob'em leksemy voda v poezhii Viacheslava Ivanova: "Kormchie zvezdy": dis. ... kand. filol. nauk* [The Semantic Volume of the Lexeme Water in the Poetry of Vyacheslav Ivanov: "Pilot Stars": Ph. D. Thesis]. Tambov, 252 p. (In Russian)

Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [The National Corpus of the Russian Language]. URL:

<http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 02.06.2018). (In Russian)

Potebnia, A. A. (1914). *O nekotoryh simvolah v slavianskoi narodnoi poehzii* [On Certain Symbols in Slavic Folk Poetry]. 372 p. Kharkiv, izd. M. V. Potebnia. (In Russian)

Potebnia, A. A. (1989). *Slovo i mif* [The Word and the Myth]. 622 p. Moscow, Pravda. (In Russian)

Samoilov, D. S. (1982). *Kniga o russkoi rifme* [A Book on Russian Rhyme]. 351 p. Moscow, Hud. Literatura. (In Russian)

Stepanov, Yu. S. (2004). *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian Culture]. 991 p. Moscow, Akademicheskii proekt. (In Russian)

The article was submitted on 06.06.2018
Поступила в редакцию 06.06.2018

Старостина Ольга Вячеславовна,
кандидат филологических наук,
ассистент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Olga270284@yandex.ru

Starostina Olga Vyacheslavovna,
Ph.D. in Philology,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Olga270284@yandex.ru